

Марина
СЕРОВА

Исчезающий
РАЙ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова
Утраченный рай

«Научная книга»

2006

Серова М. С.

Утраченный рай / М. С. Серова — «Научная книга»,
2006 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Новое дело порадовало частного детектива Татьяну Иванову, уставшую от убийств и банальных ограблений. Известный коллекционер живописи пожелал найти редкую картину – «Танцовщицу в голубом» кисти Эдгара Дега. Предположительно, та находится у конкурента – Максима Алексева. Таня проникла в его особняк под видом садовницы. Правда, пришлось скрыть неотразимую внешность под мешковатой одеждой и уродливыми очками. Но везенье длилось недолго – хозяин случайно застукал Таню в ванной во всей красе. Потрясенный Алексеев удачно воспользовался неожиданными обстоятельствами и... предложил красотке сыграть роль его жены Доры...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Утраченный рай

Глава 1

Несмотря на поздний час, я набрала номер, так как знала, что моего звонка ждут с нетерпением.

– Борис Дмитриевич? Это Татьяна Иванова. Подготовка окончена. Могу приступить к заданию хоть завтра.

– Это замечательно, Татьяна. Стало быть, старик не подкачал? Есть еще порох в пороховницах?

– Еще как есть, – ответила я, бросая взгляд на великолепный букет, стоящий в вазе передо мной. – Он даст фору любому молодому профи. Так какие будут дальнейшие инструкции?

– Завтра утром подъезжайте ко мне. Я подготовил необходимые документы и рекомендации. Обсудим еще некоторые технические детали, и вы сможете начинать.

– Хорошо, тогда до завтра.

Я дала отбой. Мой взгляд снова упал на букет. Я рассматривала его, и в голове вновь прокручивались события последних дней, когда пришлось погрузиться в некоторые доселе мало мне известные области жизни. Для выполнения задания, предложенного новым клиентом, Борисом Дмитриевичем Завадским, моей общей эрудиции не хватало, требовались специальные знания и навыки. Мой клиент в пределах своей компетенции подготовил меня сам, а для остального подыскал лучшего в городе специалиста. И вот я только что вернулась с нашего завершающего занятия с ним. Он был, по обыкновению, многословен и красноречив...

– Вот так, Татьяна дорогая. Учитывая предельную сжатость сроков нашего с вами учебного, так сказать, процесса, должен отметить, что со своей стороны...

Этот милейший старичок с типичной внешностью профессора старой закалки питал, как я успела заметить, склонность к длинным и заковыристым фразам, которые к месту и не к месту снабжал своими любимыми словечками. Но это только в тех случаях, когда общение принимало личный характер. В том же, что касалось его предмета, он был лаконичен, излагал материал ясно, доступно и с большим количеством практических примеров.

– ...Вы же, в свою очередь, проявили максимум усилий, каковые, надеюсь, не пропали даром и позволят вам в дальнейшем...

Надо сказать, что милейший старичок в интересах дела не был осведомлен об истинном роде моих занятий и о целях, сподвигнувших меня на четырехдневный марафон по миру регулярных и нерегулярных садов, альпинариев, миксбордеров, розариев и тому подобной красоты.

Дело в том, что для выполнения предстоящего задания мне необходимо перевоплотиться в профессиональную садовницу, мастера ландшафтного дизайна, искусного цветовода и знатока садово-парковых культур. Это будет первой и основной моей легендой. За ней последует вторая – об этом чуть позже. И я не имею права ничем выдать, что на самом деле я частный детектив.

Старичок-наставник оказался настоящим профессионалом и прекрасным учителем. Новый клиент оплатил мое весьма не дешевое обучение. Но он уверен, что игра стоит свеч.

Старичок тронул меня бесконечной преданностью своему делу, или, скорее, искусству. Он был подлинным ценителем живой красоты. И где-то в глубине души мне было стыдно, что я невольно обманываю его. За эти несколько дней он заразил меня своей страстью к цветам, деревьям, травам, к гармонии природы и к способности человека проникаться сутью этой гармонии

и создавать вокруг утраченный рай. Чтобы подавить в себе смутное чувство собственной обделенности, я твердо решила, что когда-нибудь на старости лет, когда мне надоест гоняться за преступниками, стрелять, махать ногами, словом, пускаться во всяческие авантюры, я непременно займусь разведением цветов и создам свой райский уголок. А пока наметила завтра же купить себе на подоконник кактус. Потому что поливать его нужно очень редко. Любое другое растение у меня просто загнет.

– Степан Ильич, голубчик! – говорила я на последнем занятии. – Мне очень жаль, что наш ускоренный курс подошел к концу. Я вам очень благодарна за все. Вы ведь позволите иногда обращаться к вам за консультациями?

– Татьяна, дорогая, разумеется, я буду очень рад вас видеть! Помните, в нашем питомнике самый лучший посадочный материал во всей области. К нам обращаются со всей России и даже из-за рубежа. Я уже не говорю о тех редкостях, которые я выращиваю в своей личной оранжерее. Все это к вашим услугам. Я вот здесь приготовил вам каталог, – Степан Ильич протянул мне толстый глянцевоый журнал, – в нем около тысячи фотографий цветов, деревьев и декоративных кустарников нашего питомника. Выбирайте все, что вам по вкусу, и приходите. Вообще, Татьяна, дорогая, мы непременно должны продолжить наше общение! Мне бы очень хотелось научить вас еще многому, поскольку в вашем лице я встретил...

Его пламенная речь очень растрогала меня. Но, увы, у меня вряд ли найдется время пообщаться с милейшим Степаном Ильичом. Впереди меня ждет интересное, весьма авантюрное и очень хорошо оплачиваемое дело. Поэтому мое образование дополнит, по-видимому, лишь прошлогодняя подшивка журнала «Мой прекрасный сад», купленная на барахолке у спившегося интеллигента за полтинник.

На прощание Степан Ильич, краснея и смущаясь, как юноша, вручил мне бережно упакованный в газетные листы букет. Начало мая в этом году выдалось довольно холодным, поэтому он тщательно завернул цветы.

– Этот букет я составил специально для вас, все цветы из моей оранжереи. Распакуете его дома. Во второй лекции я вам немного рассказал о символическом значении цветов в букете. Сможете поупражняться на досуге... – И он хихикнул как-то совсем уж неловко.

Я с нежнейшей улыбкой приняла букет, мой лектор поцеловал мне руку, я решила созорничать и с многозначительным видом чмокнула его в лоб. От этого он окончательно засмутился, а я, воспользовавшись наступившей паузой, быстро распрощалась. Эта сцена из галантного века утомила меня. Кроме того, новый клиент уже, должно быть, ждал моего сообщения о готовности приступить к работе.

Выйдя от Степана Ильича, я села в свою бессменную «девятку». Никак не решусь поменять ее – мы с ней сроднились, она своего рода талисман, столько удачи мне принесла, столько успехов мы с ней добились, разве могу я променять на что-то мою славную старушку? Через двадцать минут я уже была дома и, несмотря на позднее время, позвонила Борису Дмитриевичу.

Я вновь взглянула на букет. Упражняться в расшифровке его значения было лень – я и так, пожалуй, догадываюсь. Вообще, красоту не надо расшифровывать. Ее надо воспринимать интуитивно, полностью, а не препарировать. Этому я научилась тоже за последние дни, но уже у Бориса Дмитриевича. Вернее, он утверждает, что это дано каждому человеку изначально. Но некоторые пытаются разложить все по полочкам, проанализировать и в результате за деревьями не видят леса. Еще он сказал по этому поводу замечательный афоризм: «Если проникнуть внутрь часового механизма и тщательно изучить все его детали, шестеренки, колесики, их сцепление и взаимодействие, то можно узнать массу интересных вещей, кроме одной – который час». Вообще Борис Дмитриевич интереснейший человек.

Наше с ним знакомство состоялось примерно неделю назад. Произошло это следующим образом. В прошлую пятницу около одиннадцати часов утра зазвонил мой телефон. Я взяла трубку. Приятный мужской голос спросил Татьяну Александровну Иванову.

– Я вас слушаю, – без особого энтузиазма ответила я. Настроение было по-весеннему расслабленным, даже слегка лиричным. Сказывалась послезимняя усталость. Дел за последнее время было много, и я, собственно, была бы не прочь и отдохнуть немного.

– Вас беспокоит Завадский, Дмитрий Борисович. Мы с вами незнакомы. Но мне порекомендовали вас как первоклассного частного детектива.

Он назвал имя своего знакомого, и я припомнила, что тот действительно пару лет назад воспользовался моими услугами и остался мною весьма доволен. Как, впрочем, и я им, то есть гонораром, разумеется.

– Только поймите меня правильно, Татьяна Александровна, – вещал доверительным шепотом мой потенциальный клиент, – наш общий знакомый, Иван Петрович, не в курсе, что я решил обратиться к вам за помощью. Я просто слышал, как вы здорово ему помогли в щекотливой ситуации, и на всякий случай записал ваш номер телефона. Но дело у меня к вам весьма щепетильное. Мне бы хотелось сохранять полную конфиденциальность.

– Если я буду работать с вами, то конфиденциальность гарантирую, можете не сомневаться. А какого характера ваше дело? Убийство, ограбление, шантаж? – все тем же ленивым тоном спросила я.

– Нет... не совсем так. Вы знаете, это сложно объяснить по телефону. Лучше было бы при личной встрече, если не возражаете.

– Ну что же, как скажете. Надеюсь, вам известен уровень моего гонорара?

– Не считайте за пошлость, но финансовая сторона вопроса меня не волнует. Я уверен, что смогу достойно оплатить ваши услуги.

Такая постановка дела мне всегда нравилась, поэтому я стряхнула с себя остатки весенней расслабленности и решила без промедления договориться о встрече:

– Где и когда мы сможем увидеться?

– Вам удобно будет сегодня в половине седьмого вечера подойти ко входу Центрального выставочного зала? Я к этому времени закончу там свои дела, и мы поедем поговорить ко мне домой. Разговор должен состояться непременно у меня дома, это сразу поможет вам лучше понять ситуацию.

Вообще-то я не люблю, когда напускают туману, но слова о достойной оплате заставили меня смягчиться. Встретимся, от меня не убудет. Если и правда наконец выпадет что-то небанальное – развеюсь. Заказов-то у меня было немало, но это все какие-то рутинные дела. Как будто я не частный детектив, а простой майор милиции. По нынешним временам, если это не убийство, не ограбление и не шантаж – уже оригинально. Да и подзаработать перед летом не мешает, чтобы потом устроить себе шикарный отпуск.

Итак, ровно в половине седьмого я была на месте. Поскольку из телефонного разговора я не успела выяснить ни возраст, ни род занятий потенциального клиента, решила одеться в универсальный наряд, беспроигрышно срабатывающий во всех случаях. Для нынешней погоды это была, разумеется, мини-юбка, глубоко декольтированная блузка и такой же жакет. Костюм в целом как будто строгий, но в то же время безотказно действующий на мужчин всех возрастов и социальных прослоек, заставляя их делаться предельно щедрыми даже помимо собственной воли.

У входа в ЦВЗ стоял симпатичный мужчина солидного возраста, одетый в элегантный, весьма дорогой костюм. По тому, какие внимательные взгляды он бросал на проходящих женщин, я решила, что это и есть ожидающий меня клиент. Я эффектной, своей «фирменной» походкой направилась к нему.

– Извините, это вы Борис Дмитриевич Завадский? – поинтересовалась со сдержанной улыбкой.

Он, кажется, слегка опешил.

– Да, а вы... «Ужель та самая Татьяна?», Иванова Татьяна Александровна?

– Да, рада познакомиться.

– Признаться, не ожидал... То есть я представлял себе детектива несколько иначе.

– Надеюсь, вы не очень разочарованы? – позволила я себе капельку наглости в ответ на его растерянность.

Но он уже справился с замешательством и любезнейшим тоном произнес:

– Вы превзошли все мои ожидания, я еще раз убеждаюсь, что если человек талантлив, то он талантлив во всем. Даже, как бы это точнее выразиться... – Завадский замаялся, подыскивая подходящие слова, – в умении себя подать. Вы простите мою реакцию, она вам, должно быть, показалась несколько странной...

Вот уж ничего подобного, реакция вполне ожидаемая, хо-хо!

– ...но дело в том, что я большой поклонник и ценитель искусства, и всякая красивая женщина вызывает у меня не меньшее восхищение, чем прекрасное полотно или изваяние рук великого мастера.

– Я очень польщена, Борис Дмитриевич, и по достоинству оценила комплимент, но, может быть, поговорим о вашей проблеме? Я уже вполне заинтригована и хотела бы узнать, что же заставило вас прибегнуть к моей помощи?

– Да-да, простите. Если вы не возражаете, мы поедем ко мне домой, а по дороге я расскажу о себе. А уже на месте потолкуем о деле.

Мы сели в его машину, великолепный черный «Лендровер». Пока ехали к дому Завадского, я смогла составить впечатление о том, что представляет собою мой клиент. В общем, портрет вырисовывался вполне симпатичный. Борис Дмитриевич Завадский был весьма известным и уважаемым в своих кругах человеком. В чем именно заключался его бизнес, при первом знакомстве речь не зашла. Но, насколько я поняла, все свое свободное время он отдавал большой и красивой страсти, завладевшей его душой еще в юности, – коллекционированию художественных произведений. В основном это были картины. Но, кроме того, в его коллекции имелись прекрасная старинная бронза и серебро, фарфор, ювелирные украшения.

Тем же вечером, уже после встречи, я из любопытства навела более подробные справки у одного своего давнего знакомого, принадлежавшего к богемным кругам. Он поведал мне, что среди тарасовского художественного бомонда Завадский признан одним из наиболее серьезных коллекционеров, тонким знатоком и ценителем искусства. Его коллекция была лучшей в городе, все признавали его вкус и стиль. Он собирал не все подряд, не гонялся за раритетами только потому, что они были дорогостоящими, а подбирал картины и другие экспонаты любовно, приобретал только то, что поражало его воображение и становилось частичкой его души, а не то, что должно было демонстрировать перед другими его респектабельность. Еще он покровительствовал местным художникам – имел собственную галерею и там периодически устраивал выставки молодых талантов.

Дом Завадского располагался в одном из центральных районов, неподалеку от Городского парка. Это был двухэтажный коттедж, стильный, но без вычурности. Мой клиент похвалился, что он построен по его собственному проекту. Я, конечно же, расхвалила дом, заявив, что «только человек с отменным художественным вкусом мог...», и так далее и тому подобное.

Мы вошли внутрь, и мне показалось, что я очутилась в музее. До сих пор мне еще не доводилось бывать в гостях у маститых коллекционеров, и впечатление было, конечно, очень сильное. Практически весь первый этаж занимал просторный холл, в котором находилась основная часть коллекции Завадского. На стенах, искусно подсвеченные, висели большие и малые полотна и рисунки. На мой взгляд дилетанта, это были в основном импрессионисты.

– Вы предпочитаете импрессионизм? – Я не преминула блеснуть эрудицией.

Борис Дмитриевич улыбнулся чуть снисходительно и ответил:

– Мне очень приятно, что вы разбираетесь в живописи. Да, я действительно очень люблю импрессионистов. У меня есть несколько подлинных шедевров, они наверху, не здесь. Но в этом холле тоже имеется несколько жемчужин. Вот там, около окна, посмотрите, висит чудесный городской пейзаж Писарро. А напротив – Сислей, замечательное полотно, из его ранних работ.

– Это все подлинники? – задала я глупый вопрос, чем, наверное, сразу подпортила создавшееся впечатление о себе как знатоке искусства. Завадский, однако, не меняя выражения лица, сказал с гордостью:

– Ну разумеется! Интерес для коллекционера представляют исключительно подлинники. И дело не только в их ценности, во всяком случае, для меня, а в том, что они осуществляют некую связь времен. Глядя на полотно, представляешь, как его касалась кисть мастера, чья жизнь теперь уже стала легендой. Можно ощутить настроение художника, представить, о чем он думал, чем жил. Кроме того, у картины есть целая биография – череда прежних владельцев, среди которых тоже попадаются исторические фигуры... Впрочем, простите, Татьяна. Я сел на своего любимого конька. Я могу часами вести подобные разговоры. А нам с вами пора побеседовать о деле. Не хотите выпить чего-нибудь?

– Не знаю... Вот разве что кофе, если можно.

– Конечно. Я приготовлю кофе, а вы пока можете побродить, посмотреть.

Хозяин удалился, а я стала с восхищением рассматривать часть коллекции, доступную, насколько я поняла, простым смертным. Самое же ценное, видимо, было наверху, и допускали туда не всех. Однако мне, знакомой с искусством на уровне не специалиста, а просто культурного человека, необычайно нравилось все, что я здесь видела. Кроме полотен и рисунков, были еще застекленные этажерки с бронзовыми фигурками, миниатюрными скульптурами из слоновой кости, старинными серебряными украшениями.

Когда вернулся Борис Дмитриевич, я выразила свое восхищение его коллекцией. Мы уселись за маленький столик и за чашечкой кофе начали разговор. Завадский рассказал, что часть коллекции досталась ему от отца, но Борис Дмитриевич значительно приумножил ее.

– За самыми желанными полотнами приходилось иногда охотиться годами – проследить их путь из одних рук в другие, дожидаться момента, когда владелец будет готов расстаться с картиной – продать или обменять ее. Настоящие коллекционеры в основном идут на обмен, если у вас имеется что-то привлекательное для них. Поэтому, приобретая картины, надо учитывать и вкусы возможных партнеров по обмену. Здесь разыгрываются своего рода шахматные партии, просчитываются дальнейшие ходы. В этом и состоит азарт – дополнительная прелесть коллекционирования. А есть другой сорт собирателей – они покупают произведения искусства лишь затем, чтобы потом выгодно перепродать их. Такие барышники от искусства. Настоящими коллекционерами их не считают, но приходится иметь с ними дело – они бывают полезны, у них хороший нюх на раритеты. Хотя чаще всего к ним обращаются нувориши, желающие путем приобретения произведений искусства придать себе вес в глазах окружающих.

– А, это как в анекдоте. Один новый русский спрашивает другого: «Это у тебя да Винчи?» А тот отвечает: «Да Винчи или Феррари, не помню – я и машину, и картину в один день покупал».

– Вот-вот, Танечка, в самую точку. Ну а есть еще смешанный тип коллекционеров. Те, кто собирает коллекцию и в то же время делает деньги на продаже произведений искусства.

– А каких больше?

Предмет нашей беседы заинтересовал меня, я еще не сталкивалась с этим пластом человеческих взаимоотношений. Завадскому же мой интерес импонировал, явно нравилось ему и то, что я не тороплю его расспросами о деле, а внимательно слушаю прелюдию.

– В настоящее время подлинных коллекционеров становится все меньше, им на смену приходит именно последний тип. Ничего не поделаешь, жизнь диктует свои законы. Ну вот, считайте, что я коротенько прочел вам вводную лекцию. Теперь можно переходить непосредственно к делу. Оно может показаться вам несколько необычным, возможно, вам еще не приходилось заниматься чем-то подобным. Но мне очень хочется, чтобы вы согласились. И уж поверьте, я не поскуплюсь на благодарность и не посчитаюсь ни с какими затратами.

Борис Дмитриевич смолк на несколько мгновений, словно собираясь с духом. Я не торопила его, тактично выжидая.

– Дело мое, Татьяна, до определенной степени носит очень личный характер. Я не всякому другу готов поведать эту историю. Но перед детективом, как перед доктором, надо быть полностью откровенным. Суть проблемы заключается в том, что я уже долгие годы, практически с юных лет, мечтаю об одной картине. Это редкое, малоизвестное полотно Эдгара Дега. Картина называется «Танцовщица в голубом». Мне довелось увидеть ее репродукцию в одном старом каталоге. А точнее, в каталоге Парижской выставки 1930 года. Мой отец подарил его мне на двадцатилетие. Это раритетное издание, сейчас я вам его покажу.

Борис Дмитриевич подошел к одному из книжных шкафов и достал оттуда большой, слегка потрепанный альбом с репродукциями. Полистал его и, открыв на нужном месте, передал мне. Картина действительно очаровывала. На ней была изображена миниатюрная балерина, застывшая в пируэте, слегка повернув к зрителю изящную головку. В ней было столько легкости, столько жизни, что, казалось, она вот-вот продолжит свое движение и можно будет полностью увидеть ее лицо. Прозрачный, воздушный фон придавал картине ощущение простора и глубокой перспективы. Я поделилась своими впечатлениями с Завадским. Он оценил мое мнение:

– У вас прекрасный вкус, Татьяна, и очень развито художественное чутье. Я все больше убеждаюсь, что был прав, решив обратиться именно к вам.

Я польщенно улыбнулась.

– Однако ближе к делу. Увидев этот шедевр, я буквально влюбился в него и загорелся страстным желанием во что бы то ни стало отыскать его и поместить в свою коллекцию (я тогда уже, при поддержке отца, начал собирать картины). Но это оказалось значительно сложнее, чем я думал. Я перерыл гору более поздних каталогов, художественных архивов, но картина больше нигде не всплыла, она никогда более не выставлялась и не упоминалась. Единственной зацепкой было вот это указание на обратной стороне репродукции.

Я взглянула на указанную ссылку. Она была на французском языке. Завадский перевел мне ее.

– Здесь сказано, что картина любезно предоставлена для экспозиции частным коллекционером господином Пьером Жанэ. Это означает, что после выставки картина вновь вернулась к своему владельцу и, судя по моим дальнейшим изысканиям, более не выставлялась. Я на какое-то время отложил свои поиски, но желание владеть этой картиной меня не отпускало, и спустя несколько лет я возобновил попытку найти «Танцовщицу». Не буду утомлять вас долгими подробностями. В общем, мне удалось связаться с семьей Пьера Жанэ. Его самого, разумеется, уже не было в живых. Свою коллекцию он почти полностью завещал одной из парижских художественных галерей. Но несколько полотен, в том числе и «Танцовщица», достались его наследникам и до недавнего времени находились у его внучатой племянницы, мадам Соваж. Я завел с ней переписку, и она любезно сообщила мне, что интересующая меня картина была ею продана в 1978 году с аукциона какому-то американцу. О дальнейшей судьбе полотна мадам Соваж не знала. Полученные сведения одновременно и огорчили меня, и дали надежду. Огорчили, потому что я надеялся, что картина осталась все в той же семье. Но, с другой стороны, начав свое путешествие по свету, она должна была оставить следы – появиться в каталогах или стать в художественных обозрениях. Но я, увы, заблуждался. Картина словно исчезла.

– Но почему? Разве новому владельцу не хотелось продемонстрировать свое приобретение? – удивилась я.

– Видите ли, Татьяна, на жаргоне специалистов картина, которая почти не выставляется и нигде не фигурирует, называется «девственницей». Подобные полотна считаются гораздо более ценными, нежели те, которые доступны многим глазам. Видимо, американский владелец оказался из числа настоящих знатоков и решил не уменьшать ценность своего нового приобретения.

– А почему они более ценны? Я всегда думала, что чем картина популярнее, тем она ценнее.

– Простите, Танечка, не обижайтесь, но это типичный взгляд дилетанта. А ценители любят редкости, неожиданные находки. Однако продолжу. Я не терял надежды, верил, что мне когда-нибудь наконец повезет. Прошло много лет, и у меня вновь появилась надежда. Я узнал, что картина попала в Россию. Это произошло в 1998 году. Мне, правда, удалось только выяснить, что она попала в частную коллекцию одного из крупнейших московских коллекционеров. Но, к кому именно, я тогда еще не знал. Из того, что картина вновь не появилась нигде, я понял, что ее купил не торговец, а настоящий знаток. Или собиратель, принадлежащий к смешанному типу. Возможно, он приобрел ее для собственной коллекции, возможно, на продажу – во всяком случае, этот человек не стал лишним раз «светить» полотно. По моим представлениям, коллекционеров, которые могли позволить себе подобную покупку, в Москве на тот момент было десятка три-четыре. Я воспрял духом. Составил список кандидатур. И начал проводить что-то вроде собственного расследования. Я ведь был знаком в той или иной мере с каждым из них. Я стал часто наезжать в столицу, добывать сведения. Это было нелегко и потребовало больших затрат. В наших кругах информация стоит очень дорого. Наконец после нескольких лет поисков путем исключения я пришел к выводу, что картина должна находиться у некоего Максима Леонидовича Алексеева. Во всяком случае, она совершенно точно прошла через его руки. Но мне, к сожалению, не удалось завести с ним тесных приятельских отношений. Алексеев относится к другому поколению коллекционеров. Он моложе меня на пятнадцать лет и принадлежит к несколько иному кругу. Максим, если можно так выразиться, магнат в сфере искусства. Я, конечно, тоже не из последних людей. Но в наше время финансовое состояние человека играет значительную роль в его положении в обществе, даже в таких кругах, как художественная элита. В этом смысле я, провинциальный коллекционер, не могу состязаться со столичным зубром.

– А он продает картины?

– Да, он не относится к числу чистых собирателей. Но это не мешает ему быть прекрасным знатоком искусства. Просто, повторюсь, у каждого времени, у каждого поколения свои взгляды. Я не беру на себя смелость судить о ком-то свысока...

Борис Дмитриевич умолк, похоже, погрузился в свои размышления. Но через несколько секунд спохватился и продолжил свое повествование:

– Так вот, близкого контакта у нас не состоялось, доверительных бесед тоже не было. Поэтому я не уверен в местонахождении картины на все сто процентов. Я решил выждать, пока не подвернется подходящий случай получить какую-нибудь информацию. Я ведь уж не мальчик, хотя и не старик, конечно. Но в пятьдесят шесть лет уже нет сил гоняться по столице, по всем тусовкам и вернисажам, вести богемный образ жизни. Здоровье не то, да и склад характера с возрастом меняется, больше хочется уединенности, спокойной и размеренной жизни. Мне оставалось надеяться только на судьбу. И вот, представьте себе, Танечка, судьба на склоне лет смилостивилась надо мной и, возможно, за мое упорство и верность юношеской мечте преподнесла мне неслыханно щедрый подарок. Недавно я узнал, что господин Алексеев после какой-то неприятной истории (что именно произошло – доподлинно неизвестно, а распространять слухи я не хочу) решил покинуть столицу. В Тарасове у него живут родственники – тетка

с сыном. И он захотел перебраться в Тарасов. В настоящее время он занят покупкой одного замечательного особняка за городом. Значит, у меня вновь появляется надежда найти картину. Но я не могу себе позволить прохлопать такой шанс. Я решил, что хватит заниматься самодеятельностью. Поэтому мне и требуются ваши профессиональные услуги.

Заслушавшись этой драматичной и романтической историей, я уже совсем было позабыла, зачем здесь нахожусь. Да и окружающая обстановка совершенно оторвала меня от реальности. Поэтому последняя фраза прозвучала неожиданно, и я слегка опешила.

– Надеюсь, вы не попросите меня выкрасть картину? – Я явно сморозила глупость, но в тот момент мне действительно пришла в голову именно такая мысль.

– Что вы, боже упаси! – запротестовал Завадский. – Как вы могли такое подумать! Я вам клянусь, что не вынашиваю никаких криминальных замыслов. Мне надо, чтобы вы, с вашей потрясающей профессиональной хваткой, изыскали возможность добыть полную, исчерпывающую, стопроцентную информацию о том, при каких обстоятельствах картина попала в руки Алексеева, находится ли у него по сей день, а если нет, то к кому она перешла.

– И что вы будете делать дальше?

– Когда я уверился в том, что картина находится у Алексеева, я начал интересоваться его пристрастиями, художественными предпочтениями. Помните, в начале нашей беседы я рассказывал о приемах охоты за картинами. Так вот, кое-что уже было в моей коллекции, кое-что я приобрел в последнее время. Словом, у меня имеется несколько полотен, которые могут очень заинтересовать Максима Леонидовича в случае, если он не захочет просто продать своего Дега. Я предложу ему взаимовыгодный обмен.

– Сделаете предложение, от которого он не сможет отказаться?

– Именно так. Надеюсь. Ну а если выяснится, что «Танцовщица» в других руках, я буду искать подходы к тому человеку. В общем, ваша основная цель – раздобыть для меня достоверную информацию. Как вы относитесь к такой задаче?

Я задумчиво теребила кончик носа. Дело было действительно весьма необычным. Здесь не подойдут мои наработанные годами шаблоны. Нужен совсем иной подход. Я пребывала в некоторой растерянности. Но до чего же тонким психологом оказался Завадский, как прав он, что привез меня в свой дом-музей и так подробно и эмоционально рассказал свою историю. Я погрузилась в атмосферу красоты и азарта, и мне уже не хотелось с ней расставаться. Если бы он кратко и сухо изложил суть дела где-нибудь в кафе или в машине, я бы, скорее всего, отказалась. У меня сейчас совсем не рабочее настроение и нет острой необходимости в заработке. Но теперь, поддавшись очарованию этой таинственной истории, так отличающейся от грубых тайн, с которыми мне обычно приходится сталкиваться... Черт побери, а я ведь соглашусь! И не только из-за щедрых посулов. Дело обещает быть интересным. Хотя, конечно, чего уж кривить душой перед самой собой – слова «магнат» и «столичный зубр» тоже оказали свое магическое действие. Я вздохнула, улыбнулась и ответила:

– Борис Дмитриевич, вы меня уговорили. Частному детективу не мешает пополнить свой жизненный опыт решением таких вот неординарных задач. Я согласна.

Завадский просиял:

– Чудесно! Вы не представляете себе, как я рад! Тогда давайте обсудим детали.

Завадский предложил мне следующее. В течение ближайших дней он займется моим образованием в сфере изящных искусств. Мне придется также понять и усвоить многие специфические тонкости собирательства, освоить профессиональный сленг, особенности общения в сфере коллекционеров и тому подобное. Словом, мне предстоит научиться мыслить как настоящий коллекционер, только тогда я смогу раздобыть верную информацию, ничего не напутать, не испортить все с первых шагов. Это и должно стать второй моей легендой, о которой я упоминала ранее. Кроме того, за время обучения мне необходимо навести справки об Алексееве и разработать план, как втереться в его доверие. «Я полагаю, что такой очаровательнице, как

вы, это будет гораздо проще, нежели мне – его стареющему конкуренту», – с лукавой улыбкой произнес мой клиент.

Гонорар Борис Дмитриевич действительно предложил достойный. Он обязался оплачивать мне дни обучения и подготовки плана по моему обычному тарифу, дни выполнения операции – по двойному и еще назначил премию, если мне удастся узнать, где находится картина. Меня это вполне устраивало.

На прощание Завадский сообщил мне адрес особняка, который, по его «агентурным данным», приобрел Алексеев. Я пообещала завтра же отправиться на разведку и начать обдумывать план. Кроме того, мы договорились встретиться завтра вечером и начать мое просвещение. А если у меня появятся какие-то мысли относительно операции – обсудить их. Борис Дмитриевич должен сам оценивать и корректировать мои действия, поскольку я еще не вполне знакома с правилами игры в их кругу.

Завадский вызвал мне такси, и вскоре я оказалась дома. Было уже довольно поздно. Но у меня не проходило возбужденное состояние. Хотелось что-то предпринять, скорее заняться этим интригующим делом. Однако единственное, что я могла сделать, это отыскать в записной книжке номер телефона одного давнего приятеля-художника и порасспросить его о Завадском.

Получив от него подробный рассказ, который только усилил благоприятное впечатление от моего нового клиента, я немного успокоилась и стала обдумывать, каким образом можно подступиться к «московскому гостю». Конечно, самым простым и банальным вариантом было воспользоваться своими внешними данными и очаровать господина Алексеева. Мозги мои, наверное, уже устали за день, поэтому в голову лезли всякие бредовые картинки, напоминающие кадры из старых голливудских кинофильмов. Вот я попадаю под колеса его автомобиля (выждав за углом и расчетливо бросившись, так, чтобы не покалечиться). Прикидываюсь, что потеряла сознание, он грузит меня в свой роскошный белый лимузин (или что там у него, как же я не поинтересовалась), отвозит в свой дом, делает искусственное дыхание... Так, стоп, не надо увлекаться.

Ах, нет, лучше бы у него была яхта, а я бы бросилась в воду и сделала вид, что тону. Он бы, разумеется, меня спас. Принес на руках в свою каюту. А я бы все не приходила в сознание. И тогда он сделал бы мне искусственное дыхание, а я открыла бы свои огромные зеленые глаза и... Да что же у меня все сводится к одному! Я ведь даже не знаю, хорош ли собой этот магнат Алексеев. Вдруг он страшен, как смертный грех? Ну и пусть, слово «магнат» все равно производит завораживающее воздействие на женщин. Так, на чем мы там остановились...

Словом, весь остаток вечера я провела в бестолковых грезах, так и уснула, не придумав ничего путного.

На другое утро я проснулась бодрая и полная решимости повысить свою квалификацию – стать не просто детективом, но и супершпионом, умеющим изящно и элегантно внедряться в стан конкурента и выуживать все необходимые сведения, попутно получая поклонение, подарки, дорогие ужины в лучших ресторанах и другие атрибуты сладкой жизни. Это во мне все еще говорили остатки вчерашнего бреда.

Чтобы прийти в нормальное сознание, я приняла освежающий душ, выпила крепкого кофе, и бред улетучился. Передо мной стояла задача, и надо было обдумать, как подступиться к ее решению. Информации о господине Алексееве у меня в настоящий момент ничтожно мало. Вчера у Завадского я пребывала в какой-то эйфории и не задала даже элементарных вопросов: женат ли Алексеев, есть ли у него дети, чем он занимается помимо коллекционирования? Ладно, узнаю все это сегодня вечером. А пока нужно съездить по адресу, который дал мне Борис Дмитриевич, взглянуть на особняк, может, удастся переговорить с кем-нибудь из соседей.

Я оделась по-походному – в брючки и джемпер, – села в свою «девятку» и отправилась в путь, не имея никаких определенных планов.

Дом, который якобы приобрел господин Алексеев, находился на живописной тарасовской окраине – в районе Холодного ключа. Когда-то в советские времена там располагался санаторий. Потом он обнищал, пришел в запустение и закрылся. И вся земля была распродана под строительство элитных коттеджей. Иметь дом на Холодном ключе стало очень престижно, там селилась городская администрация и местные золотые тельцы. К поселку примыкал сосновый бор, неподалеку было на удивление чистое озеро. А сам Холодный ключ – родник, пробирающийся из-под земли, – всегда считался у тарасовцев целебным. Мне помнится, несколько лет назад я смотрела передачу по местному телевидению. Там говорили, что в ключе нашли много полезных минеральных веществ и эта вода не уступает по своим свойствам всяким там нарзанам и прочим минеральным водам. Хотели даже вновь восстановить санаторий. Но не тут-то было, как говорится, «шляпа слетела, а поезд ушел». Теперь всеми целебными и высокоэкологическими прелестями наслаждается городская элита. Неудивительно, что магнат из столицы выбрал себе дом именно в этом месте.

Я медленно катила по поселку, рассматривая дворцы и замки тарасовского разлива. Каких домов здесь только не было! Разнообразие стилей и фантазии. Меня разбирало любопытство, на каком же особняке остановил свой взор господин Алексеев?

Я нашла указанный адрес, но не остановилась напротив дома, а отъехала немного, чтобы не бросаться в глаза. Потом надела на голову легкую шелковую косынку, убрав под нее волосы, а глаза спрятала за очками со слегка тонированными простыми стеклами. Такие очки очень удобны – их можно носить в любую погоду, они не выглядят как защита от солнца. Просто кажется, что у вас слабое зрение. В общем, чисто декоративный элемент, но довольно неплохо изменяет внешность, когда это необходимо.

Я вылезла из машины, подняла капот и, делая вид для потенциально существующих наблюдателей, будто у меня что-то барахлит в моторе, начала потихоньку возиться, при этом исподтишка озирая окрестности. С того места, где я остановилась, можно было хорошо рассмотреть будущий дом Алексеева. Он мне понравился. Неплохая стилизация под особняк девятнадцатого века: колонны, большие окна, просторная веранда на втором этаже. Перед зданием и за ним простирался довольно большой сад. Впереди был газон с вкраплениями цветочных клумб – сейчас там уже распустились целые лужайки тюльпанов и еще каких-то весенних цветов. А за домом виднелись деревья. Мило, настоящая барская усадьба. Наверное, я тоже выбрала бы себе что-то подобное из всего разнообразия, на которое насмотрелась по дороге. Ох, вот только доведется ли мне когда-нибудь выбирать?

В доме не было никаких признаков обитания хозяев – тишина, пустые окна без занавесок. Однако дорожки перед домом были чисто выметены. Может, там живет какой-нибудь сторож и дворник по совместительству? Ведь вряд ли в наши времена можно оставить такой дом пустовать совсем без присмотра. Я решила попробовать наудачу – вдруг застану кого. Подходящим предлогом было попросить умыться – возилась с машиной, перемазалась.

Я мужественно вымазала маслом руки и даже немного провела ими по лицу, после чего смело направилась в сторону дома. На воротах был звонок. Я нажала кнопку и стала ждать. Вскоре из небольшой избушки справа от дома высунулся добродушного вида дедуля и, увидев меня, направился к воротам. Не дожидаясь его вопросов, я начала сама:

– Здрате, вы извините за беспокойство, мне бы руки помыть! Пустите? А то я с машиной тут возилась, перемазалась вся.

Дедуля для проформы напустил на себя строгий вид и спросил подозрительно:

– А что с машиной-то?

Видно было, что пускать посторонних ему не положено, но очень скучно и хочется поговорить.

– Да, в общем, ничего особо серьезного. Искры вот совсем не было, пришлось свечи менять.

– А ты что же, разбираешься в таких делах?

– Да самую малость, – улыбнулась я.

– Ну, проходи, ладно уж. Идем ко мне в сторожку, там умоешься.

Дедуля открыл ворота и пропустил меня внутрь.

– Красота здесь у вас! Сад какой великолепный! – начала я восторгаться, чтобы навести разговор на интересующую меня тему.

– Сейчас еще что, ты бы видала, какая тут летом красотища. Я здесь, почитай, уж пятнадцать лет работаю – и сторож, и дворник, и за садом смотрю. Да-а, пятнадцать лет. А теперь все, последние денечки дорабатываю, вот как.

Дедуля загрустил.

– А что ж так? На покой решили удалиться? Устали?

– Да нет, что тут уставать, я уж привык. Да только у нового хозяина новые порядки будут, не оставит он меня.

– У какого нового хозяина?

– Да прежние владельцы, у кого я работал, уехали за границу жить, а дом выставили на продажу. Долго никто не покупал. А теперь вот купил богачей какой-то столичный. Пижон еще тот! Я ему предложил – дескать, я все тут знаю, оставьте меня работать. А он говорит: «Извини, отец, я буду полный штат набирать». Это, стало быть, горничную, повара, садовника, охранников молодых. Так теперь заведено. А у прежних-то мы вдвоем с Варварой Семенной справлялись, с домработницей. Вот последнюю неделю я здесь за домом присматриваю, пока он пустой. А через неделю новый барин въедет и всю прислугу заново будет набирать.

От такой новости я чуть не подпрыгнула на месте. Вот это удача! Это уже что-то посерьезнее, чем попасть под колеса лимузина. Проникнуть в дом под видом прислуги! Я чуть не расцеловала старика за такие сведения, но вовремя спохватилась, сделала сочувственное лицо, повздыхала вместе с ним и посетовала на современные нравы.

Дед провел меня в свою сторожку, я умылась, потом пришлось еще минут десять слушать его сетования, утешать его. И вот наконец я смогла откланяться и поехать домой, чтобы к вечеру продумать план действий.

Дома сделала себе кофе, закурила и принялась размышлять. Дед сказал, что Алексеев будет искать горничную, повара, садовника и охрану. Ну, последнее сразу отпадает. Конечно, охранник из меня вышел бы не самый плохой, но Алексеев, наверное, все же предпочтет традиционный вариант – парочку амбалов из охранного агентства. Да и потом, работа охранника дает слишком мало возможностей для общения, втирания в доверие и проникновения в дом.

Повар отпадает тоже. Вряд ли господину Алексееву понравится, если костяк его ежедневного меню будут составлять кофе, яичница, жареная картошка и покупные пельмени. К сожалению, с остальными кулинарными изысками я на «вы».

Горничная? Здесь надо взвесить все «за» и «против». Что входит в ее обязанности? Уборка – это наверняка. Потом, наверное, придется накрывать на стол, прислуживать гостям на званых обедах, выполнять разные мелкие поручения. Черт побери, я ведь сразу выдам себя. Здесь нужна какая-то специальная подготовка. Такой человек, как Алексеев, захочет иметь квалифицированную, вышколенную горничную, знающую, как себя ведут в таких домах. Конечно, я сумею и пыль вытереть, и подать обед. Но, боюсь, будет сразу заметно, что я занимаюсь этим первый раз в жизни. Уж он-то небось повидал настоящих горничных. Нет, не пройдет.

Остается только садовник. Здесь я, конечно, тоже полный ноль. Но смею думать, что и магнат тоже мало что понимает в этом. Вряд ли господин Алексеев в подробностях вникал в то, что должен делать садовник. А что? Надо овладеть терминологией, чтобы можно было пустить пыль в глаза при первой встрече. Копаться потихоньку в земле. Сейчас весна. Если я что-то здорово напортачу, это выяснится не скоро. Мне бы продержаться только пару недель

– за это время мои недочеты еще не проявятся. А задание выполнить я наверняка успею. Уж проникнуть в дом в отсутствие хозяина для меня проблемы не составит. «И, кстати, – запищало что-то хитренько внутри меня, – романтические отношения с прелестной садовницей скрыть от супруги легче, чем те же отношения с горничной, которая всегда на виду».

Итак, мой выбор пал на садовницу. Конечно, решающее слово остается за Завадским – как еще он посмотрит на эту затею? Но в целом на первый взгляд план неплох. Интересно, а что скажут мои заветные косточки по этому поводу? Их мнение для меня, между прочим, даже поважнее, чем мнение Бориса Дмитриевича, они еще никогда меня не обманывали.

Я достала замшевый мешочек с гадальными костями. Вынула их, зажала между ладонями, сосредоточилась, формулируя вопрос. «Посодействует ли образ „прелестной садовницы“ успешному выполнению моего нового задания?» Я встряхнула кости и бросила их на стол. Выпала комбинация 7+18+29. Ну-ка, вспомним, что это у нас. Ага. «Вопреки расхожему мнению, инициатива ненаказуема. Но следует помнить, что на всяком новом поприще вас могут ожидать сюрпризы, как приятные, так и не очень». Отлично! Первая половина предсказания явно одобряет мой выбор. Ну а вторая... Поживем – увидим, что за сюрпризы меня ждут. Не привыкать, без них в работе сыщика никак не обойтись. Значит, решено. Вечером буду проталкивать свою идею у Завадского.

Встреча с Борисом Дмитриевичем была назначена на семь часов вечера у него дома. Для начала я рассказала ему о своей утренней поездке и о том, что мне удалось узнать от сторожа. Завадский явно был доволен моей оперативностью:

– Прекрасно, Татьяна, с первых шагов уже успехи. Так держать!

Я пообещала продолжать в том же духе. Потом высказала ему свою идею по поводу устройства к Алексееву садовницей. Глаза у Бориса Дмитриевича загорелись азартом.

– Да-с, идея недурна, определено. Насчет горничной вы правы – здесь можно быстро проколоться. А вот садовница... Знаете, Танечка, я вам устрою обучение-марафон у одного замечательного человечка. Это мой давний знакомый, Степан Ильич, – заведующий питомником декоративных растений. Он блестящий специалист. Проводит семинары по ландшафтному дизайну, цветоводству, садоводству. Я договорюсь с ним, чтобы он позанимался с вами индивидуально. Он сможет в сжатые сроки объяснить вам все самое необходимое. Конечно, это будет стоить денег, но я готов пойти на такие траты, лишь бы наш проект удался. Я завтра же созвонюсь с ним – узнаю, как у него со временем. Да, только вот один момент – ему около семидесяти, он человек старой закалки, из последних романтиков. Очень щепетилен. Поэтому мы не должны посвящать его в наши дела. Надо придумать какую-то легенду. Как вы полагаете?

– Я думаю, можно особо и не мудрить. Просто у вас есть приятельница, воспылавшая страстью к садоводству, но она очень занятой человек и не имеет возможности пройти длительное обучение. Ей удастся выкроить лишь несколько дней. Поэтому нужен самый лучший специалист.

– Да, пожалуй, что и сойдет. В любом случае если он не очень сейчас занят, то согласится выполнить мою просьбу.

– Да, но все не так просто – Алексеев наверняка будет выбирать садовника из нескольких претендентов. И, уж конечно, не с улицы. Скорее обратится в агентство по подбору персонала, наверняка затребует претендентов с рекомендациями с предыдущих мест работы.

– Это нужно хорошенько продумать. Ну, положим, рекомендациями я вас обеспечу, самыми убедительными, можете не беспокоиться. Но одного этого мало. Нам ведь нужна сто-процентная гарантия, что он выберет именно вас. Рисковать нельзя.

– Расскажите мне побольше об Алексееве, все, что вы о нем знаете: женат ли он, есть ли дети, какие у него привычки. Думаю, это поможет мне выбрать беспроегрешную стратегию.

– В бытовом плане я знаю о нем не так уж много – я ведь больше интересовался его художественными пристрастиями. Но кое-что рассказать все же могу. Он женился два года назад на молодой, на тринадцать лет младше его, эксцентричной особе по имени Дора. Какое-то время они были друг от друга без ума. Она неплохо разбиралась в живописи, разделяла увлечение мужа собирательством, даже помогала ему. Бывала с ним на всех вернисажах, выставках и тусовках. Говорят, он ее просто обожал. Но не так давно она куда-то исчезла. Развода не было, явного разрыва тоже. Поползли всякие слухи. Алексеев же всем говорил, что она уехала на несколько месяцев в Европу, чтобы получше изучить итальянскую и французскую школы живописи. Возможно, это и так. Возможно даже, что в новый дом он приедет вместе с женой. В общем, информации маловато. Определенно могу только сказать, что детей у них с Дорой нет. И это его единственный брак. Что еще? Привычки. Не знаю. Ну, курит трубку, любит дорогой табак.

– Прийти, что ли, на собеседование с трубкой в зубах? – хихикнула я.

– Или дать ему за трудоустройство взятку – ящик лучшего английского табака, – в тон мне ответил Завадский. – Да, шутки шутками, но что же нам делать?

– Попробуйте вспомнить что-нибудь еще – чем он интересуется, помимо предметов искусства, может, любит собак, кошек, хомячков? Как предпочитает проводить досуг – театр, книги, скачки, преферанс? Увлекается мистикой, японской поэзией, классической музыкой, джазом, восточными единоборствами? Какие люди ему нравятся, что он в них больше всего ценит?

– Насчет хомячков не знаю. А вот по поводу типа людей, который ему импонирует, могу сказать достаточно определенно, поскольку присутствовал при одном разговоре. В общем, в людях он ценит больше всего горение, когда увлеченность чем-то становится чуть ли не идеей фикс. Не любит вялых, холодных, пресыщенных. Ему интересны люди с целями, пусть самыми чудными, понятными только им самим. Он ценит негибимое упорство в достижении этих целей. Он, помнится, сказал об этом так: «Чудак-изобретатель вечного двигателя мне как личность ближе и дороже почившего на лаврах академика».

– Как жаль, что ему не удалось узнать вас поближе, быть может, все тогда сложилось бы по-другому.

– Танечка, милая, простите за нескромность, но я все же вряд ли укладываюсь в рамки типажа «чудака-изобретателя», хотя и имею свои страсти и слабости, как любой человек.

– Простите вы меня, Борис Дмитриевич, я же прекрасно понимаю, насколько многогранна ваша личность. И понимаю, что вы не станете ломать комедию перед кем-либо даже ради заветной цели.

А про себя я при этом подумала – не то с грустью, не то с гордостью: «Комедиантство – наш удел. Но почему-то вы не пренебрегаете нашей помощью даже в самых деликатных делах». Однако клиенту незачем знать мои умонастроения, поэтому в ответ на последнюю информацию, полученную об Алексееве, я бодренько заявила:

– Ну что же, вы мне сообщили кое-что существенное о нашем подопечном. На этом можно неплохо сыграть. Может, припомните все же какие-то увлечения?

– Об одном увлечении я точно знаю. Помимо живописи, он еще страстно любит древнюю китайскую бронзу, и вообще Алексеев – увлеченный китаист, интересуется историей, культурой, хорошо знает древнекитайскую философию. Но вот только к единоборствам, кажется, равнодушен.

– Жаль, тут бы я смогла поразить его воображение. Ну да философия тоже сойдет. Что-нибудь еще?

– Да нет, пожалуй, все. Разве что он, как и все мужчины, равнодушен к женским чарам.

– Ну, это ненадежный вариант. Если он будет жить с супругой, моя внешность может сыграть как раз против меня.

– Да, вы совершенно правы. И, кстати, еще я вспомнил немаловажную деталь относительно его мнения о женщинах. Как-то в кулуарах он разглагольствовал о том, что красивая женщина должна быть спутницей мужчины, украшением гостиной и, пардон, спальни, должна блистать на вечеринках, приемах. Но он никогда не поручит красивой женщине ни одного серьезного дела. И если красавица попытается убедить его, что она прекрасный специалист или обладает какими-то талантами, – он никогда ей не поверит. Решит, что это лишь попытка произвести на него впечатление или подобраться к его кошельку. Простите, Танечка, это довольно циничное мнение, многие мужчины тогда с ним не согласились. Но он твердо стоял на своем.

– Наверное, у него к тому времени уже что-то не заладилось с супругой. Хотя, знаете, Борис Дмитриевич, господин Алексеев совершенно прав.

На лице Завадского отразилось недоумение, но я опередила его вопрос:

– Он не упомянул только одного – что очень редко бывают блистательные исключения из этого правила.

– Браво, Татьяна, я восхищаюсь вами все больше! Того и гляди влюблюсь! – И Борис Дмитриевич шаловливо погрозил пальчиком.

– Нет-нет! – покачала я в ответ головой. – Это исключено. Во всяком случае, не раньше, чем я закончу ваше дело. Служебная этика не позволяет никаких любовных отношений между детективами и клиентами. Ну что же, дорогой Борис Дмитриевич, вы мне здорово помогли, особенно последним замечанием о взглядах Алексеева на женщин. Теперь, я полагаю, полученных сведений вполне достаточно. Придется здорово потрудиться над своей внешностью. Страшненькая чудачковатая садовница-фанатичка, время от времени цитирующая Конфуция и Лао-цзы, – думаю, это именно то, что должно сработать на все сто, надо только хорошенько вжиться в образ.

Завадский невероятно развеселился:

– Танечка, я непременно должен это видеть, обещайте мне продемонстрировать небольшой отрывочек из вашей новой роли.

– Хорошо, прежде чем идти к Алексееву, я порепетирую с вами.

– Непременно, голубушка. Ну что же, теперь давайте попьем кофе, а потом приступим к нашим занятиям.

До самого позднего вечера Борис Дмитриевич показывал мне альбомы по искусству, рассказывал о различных школах живописи, о том, по каким признакам специалисты отличают оригинальные полотна от копий, и еще много-много всего интересного. Закончили мы уже около одиннадцати.

– А завтра, Танечка, я поподробнее расскажу вам о творчестве Эдгара Дега. Приходите опять часиков в семь. И вот вам домашнее задание.

Завадский протянул мне несколько альбомов с репродукциями и статьями о живописи.

– На досуге полистайте, почитайте. Пусть это оседает у вас в голове. Разумеется, от вас не требуется становиться знатоком живописи. Вообще, наши с вами занятия следует расценивать скорее как «погружение в тему», так принято говорить у актеров и писателей. Ну а вот это тоже вам, в качестве стимула. – Борис Дмитриевич протянул мне пухленький конверт с авансом.

Я поблагодарила его, и мы расстались до следующей встречи.

Наши с ним беседы об искусстве и об образе жизни коллекционеров продолжались еще три вечера. За это время я в самых общих чертах получила представление о том, с чем и с кем мне придется иметь дело. Кое-что узнала я и о самом Борисе Дмитриевиче. Он дважды был женат, и оба раза не сложилось. По его мнению, виной тому была его страсть к картинам и к собирательству вообще.

– Понимаете, Танечка, – рассказывал он, – женщин это поначалу увлекает – так красиво, так романтично. А после свадьбы все меняется. Они сетуют, что муж слишком много времени

уделяет своим картинам и слишком мало жене и вообще всяческим мелочам, которые составляют основу нормальной семейной жизни: походам с женой за покупками, в гости к друзьям и знакомым, к мамочке и прочее. А еще эти внезапные отъезды – в период охоты за очередной «добычей». Постоянные посещения вернисажей, выставок, аукционов – и все по разным городам. В общем, то, что вызывало восхищение невесты, вызывает проклятия жены. Да еще моя страсть к «Голубой танцовщице» пробудила, поверите ли, ревность у всех моих жен и подруг.

Я поинтересовалась, а почему бы коллекционерам не жениться на женщинах-искусствовадах, художницах, ну, словом, принадлежащих к той же среде.

– Некоторые так и делают, – ответил Завадский. – Но я хотел бы иметь жену не особенно эмансипированную и тем более не богемную. Просто славную милую женщину, имеющую вкус к прекрасному, но также и желающую и, главное, умеющую создать домашний уют, не укорять мужа, а принимать и любить его таким, каков он есть. Поверьте, Татьяна, я ведь не тиран и не деспот. Я умею ценить преданность. Умею создать романтическую атмосферу, показать женщине, что она любима, что она неповторима. Но, увы, я, видимо, хотел невозможного: чтобы моя спутница жизни вмещала в себя и Беатриче, и хранительницу очага, создательницу домашнего уюта. И при этом не требовала, чтобы супруг все вечера напролет просиживал с ней у телевизора и выслушивал бесконечные рассказы о том, сколько банок помидоров закурила в этом году ее мамочка, какая славная шубка у подружки Кати и тому подобное.

– Да уж, Борис Дмитриевич, не успею я вас за эти дни немного узнать, из таких речей я сделала бы вывод, что вы женоненавистник.

– Любопытно, а какой же вывод вы делаете теперь?

– Что вы мечтатель, утопист. Таких женщин не бывает. Или, может быть, встречается одна на миллион. Однако ваши слова запали мне в душу. Если я когда-нибудь соберусь выйти замуж, непременно вспомню их и хорошенько подумаю – а чего же ждет от меня мой суженый и чего жду от него я?

За эти дни Завадский, как и обещал, договорился со своим знакомым специалистом-цветоводом о наших индивидуальных занятиях. Тот согласился без особого энтузиазма. Решил, что это блажь капризной девицы, которой некуда девать деньги. Но из уважения к Борису Дмитриевичу не отказал. Завадский же не унывал:

– Я полагаю, Танечка, вам быстро удастся смягчить сердце старика. Он, как и я, очень чувствителен к красоте. Но главное, помимо красоты, в вас есть еще нечто столь притягательное, что даже трудно описать. Это некий синтез женственности и твердости, недюжинного ума и при этом удивительной легкости в общении, пронизательности и непосредственности. С таким редкостным сочетанием качеств вы способны приворожить кого угодно.

– Но, увы, я не героиня вашего романа, – добавила я, смеясь. – Не умею печь сдобных пышек, содержать дом в идеальном порядке и, кроме того, иногда склонна порассуждать о хороших шубках.

Надо сказать, что у меня с моим новым клиентом очень быстро сложились самые теплые приятельские отношения. Он позволил себе даже легкий намек на флирт, но мы оба прекрасно знали, что это лишь приятная для обоих, невинная игра.

До переезда господина Алексеева в особняк оставалось меньше недели. Наши занятия с Завадским завершились, и теперь я должна была на несколько дней с головой окунуться в подготовку к карьере садовницы. А что, дополнительная специальность по нашим временам никогда не лишняя. Мало ли что, вот отменяют у нас в стране частный сыск – подамся в садовники. А то пока я больше ничего и не умею, кроме как преступников ловить.

Занятия по садоводству должны были проходить ежедневно, по четыре часа днем и четыре часа вечером, с двухчасовым перерывом.

Как и предполагал Завадский и, собственно говоря, совершенно не сомневалась я, милейший Степан Ильич был покорен мною с первых же минут нашего знакомства. И, несмотря на

огромное количество информации и напряженный график занятий, мы оба получали от них большое удовольствие.

Итак, сегодня состоялось последнее наше занятие. И дело чуть было не кончилось объяснением в любви. Кстати, а может, оно именно так и кончилось? Ведь я не удосужилась взглянуть в конспект и прочитать, что же означает сочетание подаренных мне Степаном Ильичом цветов.

Я вновь полюбовалась букетом, состоящим из великолепных, необычной формы, красных тюльпанов, изящнейших белых лилий и аранжированным оригинальными сухоцветами бессмертника (между прочим, неделю назад я в этом букете смогла бы узнать только тюльпаны – прогресс очевиден). Любопытство во мне разыграло, и я полезла искать тетрадку с первыми лекциями. Ну-ка, где это там у нас было. О-о! Ну, конечно же!

Красные тюльпаны говорят о любви... Белые лилии о чистоте помыслов. Они также говорят о неотразимой красоте возлюбленной... Сочетание красного и белого цветов намекает на единство душ... Соцветия бессмертника просят: «Не забывай меня никогда». Боже мой, милейший Степан Ильич! Я даже не знаю, смеяться мне или плакать. В таких растрепанных чувствах я и отправилась спать – надо хорошенько отдохнуть, завтра у меня ответственный день. Мне предстоит встретиться с господином Алексеевым и настолько сильно поразить его воображение, чтобы место садовницы осталось за мной.

Глава 2

Сегодня с самого утра я ощущаю легкий мандраж, как дебютантка перед выходом на сцену. Хотя, в общем-то, опасаться мне нечего – все продумано до мелочей. Тема фанатичной увлеченности делом проработана досконально. Китайская философия освоена настолько, насколько это вообще возможно в течение недели, если еще учесть, что я одновременно изучала живопись и садово-парковое искусство. (Но ведь, как гласит старинная университетская мудрость, опытный студент за одну ночь может выучить китайский язык.) Откровенно говоря, я выучила несколько наиболее известных имен и зазубрила несколько афоризмов. На первое время, думаю, хватит. Будем выезжать за счет общей эрудиции. Зато над образом чудаковатой садовницы пришлось потрудиться на славу. Для этого я привлекла гениального человека и крутого профессионала – мою драгоценную подружку Светочку, стилиста от бога. Она и раньше уже нередко выручала меня. У нее поразительно верный глаз, глаз настоящего мастера. Она схватывает самую суть образа, который необходимо создать, и прорабатывает его до мельчайших деталей. Свою профессию она просто обожает. Но особенно любит, когда я подкидываю ей очередную задачу, – здесь же открывается такой простор для творчества. Из меня ей приходилось делать то тетушку из глухой деревни, то стриптизершу, то безвкусную богатую бабу. Чего мы с ней только не вытворяли. Но нынешний случай будет, возможно, труднее остальных – тут не существует никаких шаблонов, только интуиция. Поэтому один из дней моей всесторонней подготовки к операции по внедрению (это было еще до окончания занятий со Степаном Ильичом) мне пришлось почти полностью провести в Светланином салоне.

Я заранее договорилась со Светиком о встрече. Что будем делать на этот раз, по телефону объяснять не стала – тут в двух словах не расскажешь. Собрала какие-то шмотки, которые мне показались более или менее подходящими, и отправилась к ней в салон.

Встретились, как всегда, шумно и радостно, поохотали над нашей с ней последней авантюрой, когда она блестяще «смастерила» из меня двадцатилетнюю стриптизершу. Светка уже в который раз заставила меня рассказать, как я танцевала стриптиз на глазах у бедного Папазяна. Отсмеявшись, она наконец предложила перейти к делу.

– Ну-с, кто у нас будет на этот раз? Постой-ка, дай угадаю.

– А вот и не угадаешь! – поддразнивала я ее.

– Да чего от тебя, Иванова, можно ожидать, я ж тебя как облупленную знаю. Я думаю, девочка по вызову, а?

– Ничего подобного!

– Странно. Тогда эскорт-услуги? Нет? Богатая нимфоманка? Опять нет? Неужели трансвестит?

Я свернулась клубочком на уютном диванчике Светулиного кабинета и с ехидной улыбкой отметала все ее предположения.

– Фу, Свет, ну до чего же однобоко ты мыслишь! Почему я не могу раз в жизни изобразить какой-нибудь глубоко положительный персонаж?

– Положительный? Это ты-то? Ой, не смехи! С такой сексапильной внешностью и кошачьими зелеными глазами? Нет, что – правда?

Я скромно молчала, потупив глазки.

– Что, действительно правда? Ну, подруга, ты меня изумляешь с каждым разом все больше!

– Изумляйся не изумляйся, а насчет положительного образа – чистая правда, и нечего иронизировать. Лучше приготовься – тебе придется вовсю напрячь свое извращенное воображение и изо всех сил скрипеть извилинами.

– Да ладно уж, на мозги я не жалуясь. Давай уж, выкладывай, загадочная ты наша.

– Ну хорошо, Светик, шутки в сторону. Задача предстоит и правда достаточно сложная. Я сама пока в точности не могу сформулировать, что именно нужно. Я тебе буду называть свои ассоциации и некоторые составляющие нужного образа, а ты должна синтезировать их в нечто целостное, правдоподобное и живое. Начнем?

– Ну, давай попробуем, – несколько озадаченно протянула Светлана.

– Для начала, тебе знакомо такое понятие: «синий чулок»?

– А, ну это такая зануда, мымра, сушеная вобла, с немойтой головой и дырками на колготках. Так?

– В целом верно. Но только у тебя получилась уж слишком мрачная картина. Я бы ее смягчила – это интеллектуалка, возможно, где-то даже обаятельная, но настолько погруженная в свой внутренний мир, что о внешнем облике частенько забывает.

– Я так и сказала, разве нет?

– Нет, ты сделала из нее монстра и начисто лишила обаяния. У нас же все-таки положительный персонаж. Конечно, она непременно должна быть страшенькой, но в ней должен присутствовать и какой-то свой шарм.

Светлана слегка нахмурилась – она совершенно не выносит ни малейшей критики – и пробурчала:

– Ну, как скажешь. Что еще?

– Еще очень важная деталь. Она до фанатизма увлечена своим делом и ради достижения цели готова на любые поступки, кроме уголовно наказуемых, разумеется.

– Так, это уже интереснее. А чем же таким она занимается? Скрещивает мух-дрозофил с медоносными пчелами или ежей с кактусами?

– Умничка ты моя! Почти в самую точку! Она занимается садоводством и цветоводством и действительно постоянно что-то там скрещивает, улучшает, выводит всякие новые сорта цветов или яблок, в общем, нечто в этом роде. Она может часами говорить о преимуществах оригиталь-гибрида лилии перед гибридом лонгифлорум в наших климатических условиях.

У Светули отвисла челюсть.

– Вау, Иванова, а ты где слов-то таких понабралась?

– Не перебивай, это еще не все. Есть еще один изумительный штрих – эта девица большой знаток китайской философии и налево-направо цитирует древние трактаты и толкует о принципах фэн-шуй. Для особо одаренных сообщаю: фэн-шуй – это не ругательство, а философское учение, утверждающее...

– Ладно, ты больно-то не умничай, – обиженно перебила меня Светка, – мы тоже небось не лаптем щи хлебаем, нечего нас умными словами стращать – сами кого хочешь заболтаем. Но только ты-то здесь при чем, я что-то совсем уже нить потеряла.

– Ну, здравствуй, Света, Новый год, мы пришли на елку! Весь фокус в том, что эта девица – я и никто другой.

Несколько секунд длилась немая сцена. Потом Светка взорвалась:

– Нет, нет и нет! Это решительно невозможно! Ты в зеркало-то на себя посмотри, извращенка чертова! Да ты же совершенно негодный материал для такой модели! Это что же, прикажешь мне ноги тебе подрезать, грудь «сдуть» на пару размеров, а волосы повыщипывать? Где ты видела «синий чулок» с такой фигурой и с такими роскошными волосами, натуральную блондинку?

– Ничего-ничего, Светик, – подбодрила я подругу, – глаза боятся, а руки делают! Ты же у нас профессионал, тебе и карты в руки! А то привыкла, понимаешь, в бирюльки играть. Сделать из красотки Ивановой стриптизершу – дело нехитрое даже для дилетанта. А вот эта работенка – качественный скачок, переход в высшую лигу, можно сказать! Так что действуй, я вся твоя.

Произнося эту тираду, я обратила внимание, что в Светуле уже начал пробуждаться спортивный азарт. Глаза ее загорелись каким-то ведьминским огнем, в них читалась напряженная работа мысли. Вдруг она хитренько улыбнулась и елейным голосом произнесла:

– Ну хорошо, Танюсик, я готова отрезать тебе ноги и проехать катком по твоей пышной груди, но при одном условии: ты обязана рассказать мне как на духу – зачем тебе это потребовалось. И безо всяких там выкрутасов и прочих твоих штучек-дрючек. Не пытайся мне впарить, что тебе светит Гран-при на Всероссийском суперкубке «Мисс плоскостопие, плоскогрудие и эрудиция».

– А вот это ты, между прочим, практически угадала. Нет, кроме шуток. В случае удачи мне действительно светит Гран-при, да еще какой – столичный миллионер, магнат антикварного бизнеса, коллекционер предметов искусства мирового масштаба!

– Как ни странно, но мне кажется, что ты действительно не врешь. Он что же, такой извращенец, что женится только на заумных уродинах? Я знаю, конечно, у богатых свои причуды, но это уж слишком эксцентрично. Ты хорошо все обдумала? На фигу красоту свою губить, найди какого-нибудь пообычнее.

– Ну нет, киска, все не совсем так. Откровенно говоря, мой приз пока поскромнее. Для начала мне нужно устроиться к нему на работу садовницей, уничтожив всех конкурентов. А ему для работы необходим именно такой типаж. Но ведь это только первый шаг, ты понимаешь?

– Может, проще было бы этих конкурентов просто убить? Ладно, шучу. Слушай, а почему именно садовница, почему, например, не горничная? Там бы, наверное, и без китайской философии обошлось. Ах, ну да, ну да, о чем это я – ведь тогда хозяин в первый же день лишился бы всей своей хрустальной и фарфоровой посуды, а кроме того, вскоре всю бьющуюся часть его коллекции пришлось бы склеивать из мелких осколков, драгоценные ковры пропахли бы сигаретным дымом, а картины покрылись бы толстым слоем пыли и паутины. Ты совершенно права – китайская философия куда проще.

– Эх, задушить бы тебя за такие слова. Но ты мне слишком нужна живой.

Мы устали пикироваться, закурили, и Светка спросила:

– А с чего ты вообще взяла, что ему нужна именно такая садовница? Тебя никто не разыграл?

– Исключено. Это достоверные данные из надежных агентурных источников. Абсолютно серьезно. Ты прости, в подробности я тебя не могу посвятить, это уже касается моей работы.

– Ладно, все ясно. Ты вот что, давай-ка пройдишь по кабинету взад-вперед, а я посмотрю на тебя, прикину.

Я начала дефилировать по Светкиному кабинету, а она рассматривала меня так внимательно, словно видела впервые в жизни. Только изредка давала команды:

– Каблуки убрать... Шаги помельче, семени... Голову наклони набок, как будто все время прислушиваешься к чему-то.

Словом, процесс пошел. Наконец Светуля изрекла:

– Ладно, под нож я тебя класть не буду – а то вдруг тебе в следующий раз в голову втемяшится стать топ-моделью, тогда придется обратно все приклеивать. А вот все твоё безобразие – эти неприличные ноги и грудь – будем безжалостно маскировать и драпировать. Спасибо, что сейчас хоть не разгар лета. В жару было бы значительно труднее. Значит, так, хватит ходить, остановись где-нибудь непринужденно и начинай нести всю эту твою околесицу про розы-мимозы, про фэн-шуй и тому подобное. А я буду ловить образ.

Я повиновалась и начала с умным и увлеченным видом пересказывать Светке лекции Степана Ильича вперемешку с отрывками из китайских трактатов.

Она заставила меня разглагольствовать минут пятнадцать. При этом не отрываясь смотрела на меня, молчаливая и загадочная, как сфинкс. Наконец сфинкс заговорил:

– Вот теперь мне все абсолютно ясно. Ты не зануда и не уродина. И никакой не «синий чулок». Ты очаровательная чудачка. Совершенно не от мира сего. Ты – женщина-парадокс. Абсолютно не приспособленная к нормальной жизни, неуклюжая, робкая, смешная и безвкусно одетая. Но! Когда ты попадаешь в свою стихию – там ты царица и богиня. Робость и косноязычие исчезают, ты начинаешь говорить вдохновенно, как поэт, голос твой звенит, глаза горят, щеки пылают. Ты выглядишь так, что у всякого мужчины невольно пробуждаются мысли о том, что в тихом омуте черти водятся, и о том, что в постели ты, наверное, дашь фору любой красотке. Но вот ты замолкаешь, ступеневаешься, и перед собеседником все та же чудненькая серенькая мышка. Вот в чем твоя интрига! И если ты сумеешь это сыграть, то получишь не только свой Гран-при, но и все Оскары и Золотые Пальмовые ветви в придачу.

На Светулю и на саму было любо-дорого посмотреть. Я не преминула выразить свой восторг:

– Подруга, да в тебе же пропадает великий режиссер! Феллини отдыхает! Да что там Феллини, даже сам Никита Михалков! Bravo! Все прекрасно. Что надо изображать, я уже поняла. Но вечный, противненький вопросик «как?» не дает мне покоя. Так что давай спускайся на землю, и для начала займемся скромной работой костюмера и гримера.

– Какая проза! Но ты, Иванова, как всегда, права. Главное – ты настрой уловила, костяк образа?

– Уловила, Светик. Все, что ты придумала, действительно очень здорово. Только мне бы еще не подкачать, суметь сыграть как надо.

– Не дрейфь, старушка, все у тебя получится. Ты ли у нас не актриса больших и малых театров, а также знаменитая стриптиз-дива? Все будет путем. Давай-ка сперва смастерим внешнюю часть твоего имиджа. Барахлишко свое принесла?

– Да вон, полная сумка, все старье из закровов повытаскивала. Ты вот меня всегда ругаешь, что я ничего выкинуть не хочу, – а смотри-ка, как это может пригодиться!

– Ладно, сегодня отбираем самое балахонистое.

Мы вывалили содержимое моей сумки на диванчик и начали рыться в тряпках. Светуля поминутно заставляла меня прикинуть то одно, то другое и тут же недовольно качала головой. Словом, процедура была хорошо мне известна и довольно утомительна. После долгих поисков и горячих споров, в которых верх, разумеется, одерживала Светлана, мы остановились на нескольких вещах. Это была длинная, по щиколотку, юбка-татьянка, оставшаяся, кажется, еще со студенческих времен. Она была из черного крепдешина в мелкую белую крапинку и здорово меня полнила. Для верха выбрали две вещи. Первая – старая, но хорошо сохранившаяся кофта бежевого цвета ручной вязки, из грубой толстой шерсти, с воротником-шалкой. Ее рукава были слегка вытянуты, и их приходилось подворачивать. Рисунок – объемные косички. Хотя кофта и не сидела на мне мешком, но ее форма решительно не давала понять, что за прелести таятся под ней. Ансамбль кофты с юбкой имел некий сельский шарм. Второй вещью был длинный прямой серый пиджак, покроем сходный с мужским. Я никак не могла припомнить, откуда он у меня взялся и носила ли я его когда-нибудь. Он в сочетании с юбкой имел совершенно дикий вид. Картинка из советских времен – комсомолка, пришедшая на отчетное собрание, после которого будут танцы. Обуть меня мы решили в черные туфли с круглыми носами, на низеньком квадратном каблучке и с ремешком-перемычкой посередине (в таких обычно репетируют в кружках народного танца, я их отыскала в кладовке моей «конспиративной» квартиры, доставшейся мне в наследство от бабушки). Для пущего шарма Светлана выкопала где-то и кокетливо повязала мне на шею ядовито-зеленый газовый платочек.

– Просто супер! – выдохнула она в перерыве между раскатами хохота, вытирая мокрые от слез глаза. Я к этому времени вообще потеряла способность говорить.

Немного успокоившись, Светлана продолжила:

– Ну а теперь, дорогуша, займемся головой. Смойвай макияж.

Я послушно протерла лицо тоником.

– Н-да, красоту ничем не замажешь, – глубокомысленно произнесла Светка. – Больно уж ты хороша, придется тебя чем-нибудь подпортить.

– Не серной кислотой, я надеюсь?

– Есть менее радикальные средства.

Светлана на несколько минут вышла в соседнюю комнату и вернулась со здоровой картонной коробкой.

– От тебя понабралась – всякое барахло собираю. Все думаю – вдруг Ивановой сгодится?

В коробке были всякие допотопные заколки, невидимки, ободки, гребни, брошки, какие-то панамки, очки, сумочки и прочая дребедень. Светка покопалась в ней и выудила очки с огромными круглыми стеклами в роговой оправе.

– Ну-ка прикинь, они не очень сильные.

Я нацепила очки, предметы слегка расплылись перед глазами, но в целом ориентироваться было можно. Попробовала пройтись по комнате. Походка моя сделалась неуверенной, и я все время пыталась ориентироваться при помощи рук, слегка вытягивая их и балансируя. Светку это привело в неописуемый восторг.

– Мы убили сразу двух зайцев – и лицо неузнаваемое, и походочка просто отпад.

Я глянула в зеркало поверх очков. Лицо действительно здорово изменилось, приобрело выражение беспомощности, что ли. В нем появилось что-то трогательное.

– Главное, не видно твоих бесстыжих кошачьих глаз! – констатировала Светлана. – Так, и губы свои подбери. Ну, подожди их немножко, пусть не будут такие манящие. Бантиком сделай. Вот-вот, цыпленочек ты мой! Отлично.

Завершил ансамбль выуженный Светулей из той же коробки смешной допотопный риди-кюльчик, какие были в моде, наверное, годах в семидесятых. Светлана вновь критически осмотрела меня и скомандовала:

– А теперь возьмемся за волосы. Цвет никуда не годится. Слишком роскошный. Будем красить их во что-нибудь тускленькое.

– Нет, Светик, только не это! – взмолилась я. – Начнут отрастать – и что тогда? Мне теперь всегда краситься в тускленькое? Или ходить как лохушка, с некрашеными корнями?

– Без паники! Радикально перекрашиваться не будем. Я тебе дам два флакона оттеночной пенки. Цвет – средне-русый. Сходит полностью после мытья головы. Так что не забывай постоянно подкрашивать. Давай-ка попробуем.

Светлана покрасила меня, посушила и внимательно оглядела.

– И вот еще что – никакого объема. Причесываем их на прямой пробор, зализываем за уши и делаем низкий хвост. – Говоря все это, Света соорудила на моей голове новую прическу. Пучок закрепила какой-то невзрачной резинкой, понатыкала к месту и не к месту несколько черных невидимок старого образца. Потом вновь водрузила мне на нос очки и повернула к зеркалу. – Принимай работу!

Из зеркала смотрела совершенно незнакомая мне, безнадежно страшенькая девица неопределенного возраста, стопроцентный кандидат в старые девы. Она застенчиво и трогательно улыбнулась, и я поняла – это то, что надо.

– Светка – ты гений, – бросилась я обнимать подругу.

– погоди, это только первая часть нашей работы. Надо еще проработать «мышь преображенную». Но тут уж дело за тобой. Я могу только проконтролировать.

Еще пару часов мы репетировали преображение мыши. Я горячо говорила, начинала энергично двигаться. Светка позволила мне в кульминационный момент сорвать с себя очки и размахивать ими, как знаменем.

– Дай ему поглядеть в твои глаза, но только недолго – минуту-другую, и снова их зачехляй.

В общем, мы здорово вымотались за этот день, но, кажется, у нас все получилось. Мы даже подобрали на случай успеха рабочий костюм, в котором я буду ковыряться в саду. Старый мешковатый джинсовый комбинезон, в котором я обычно во- жусь в гараже, а к нему широкую фланелевую клетчатую рубашу либо такой же широкий бесформенный (и за давностью лет совершенно неопределенного цвета) джемпер. Кульминацией всего этого великолепия стала чуть подранная соломенная ковбойская шляпа. В общем, я была во всеоружии.

И вот сегодня мне предстоит наконец проверить свою роль в деле. По данным разведки, Алексеев позавчера уже завез мебель в новый дом, значит, самая пора нанести ему визит. Но сперва, как и обещала, я должна заехать к Борису Дмитриевичу – показаться во всей красе и получить от него необходимые рекомендации.

Оставался только один слабый момент моего плана. У меня не было времени на более подробный предварительный осмотр алексеевского сада. А по легенде, я мечтаю работать именно в нем, потому что только там есть нечто невероятно для меня привлекательное. Либо какие-то редкие растения, либо необычная планировка, либо рельеф местности, либо что-то еще. Здесь никакой домашней заготовки сделать не удалось. Я полагалась лишь на вдохновение и полученные за последние дни знания. Благо что большая часть наших занятий со Степаном Ильичом проходила в его питомнике, и мне удалось запомнить внешний вид, выучить названия и даже краткую характеристику огромного количества цветов и растений. Старичок поражался моей феноменальной памяти. Я же обладала ею всегда, поэтому считала это чем-то само собой разумеющимся. Все же хорошо быть феноменом, иногда такое качество может сгодиться для чего-то путного.

Я позвонила Борису Дмитриевичу и сообщила, что сейчас прибуду к нему «в полном маскараде». Он ответил, что ждет меня с нетерпением. Уверял, что готов ко всему.

Однако его реакция на мой внешний вид превзошла все ожидания. Когда я вошла в гостиную, слегка споткнувшись о ковер, и, поминутно поправляя сползающие очки, начала спрашивать, как я ему нравлюсь, он схватился за голову и рухнул на диван, сотрясая воздух громовыми раскатами хохота. Тщетно пытаюсь остановиться, он взглядывал на меня, и все начиналось заново. Наконец он обрел дар речи и, тяжело дыша и вытирая слезы с покрасневшего лица, произнес:

– Брависсимо! Это колоссально!

Я произнесла несколько заготовленных фраз, и Завадский мне заплодировал.

– Танечка, вы гениальная актриса! Я уверен, что у нас с вами все получится. Но теперь о деле. Вот ваши рекомендации.

Он протянул мне папку. Я открыла ее и просмотрела содержимое. Там были какие-то грамоты и дипломы, свидетельствующие о многочисленных победах Ивановой Татьяны Александровны в смотрах и конкурсах по ландшафтному дизайну, садово-парковому интерьеру, сертификаты об участии в выставках новых сортов клубнелуковичных растений и прочее. Кроме того, там были рекомендации от совершенно неизвестных мне людей, утверждающие, что я в течение нескольких лет успешно трудилась на их садовых участках, создавая уникальные ландшафты и цветники.

– Надеюсь, вы не настолько щепетильны, Танечка, чтобы в этих бумажках усмотреть нечто криминальное. Это ведь даже не подделки. Просто ничего не значащие бумажки. Если приглядеться повнимательнее к печатям на сертификатах и дипломах, то станет заметно, что одни из них принадлежат Тарасовскому клубу любителей декоративного кролиководства, парочка штампов из областной неврологической поликлиники, парочка почтовых штемпелей, а вон та красивая печать – это вообще мой личный экслибрис. Но кто в наше время столь дотошен, чтобы разглядывать печати? Она есть, она круглая и фиолетовая – и это главное.

– Борис Дмитриевич, да вы, похоже, большой поклонник Остапа Бендера?

– В нашей жизни без этого нельзя. Так вам не претит такое маленькое невинное мошенничество?

– Чувствую, у нас с вами складывается тот еще тандем. Ладно, сочтем это невинным розыгрышем. А вот как насчет рекомендаций? Все-таки новый хозяин может проверить – созвониться, например, с моими прежними «работодателями».

– Ну, здесь-то все чисто, можете быть спокойны. Это все мои хорошие знакомые, причем далекие от мира искусства, – вряд ли им доведется встретиться с господином Алексеевым. Во всяком случае, они обо всем предупреждены.

– Ну что же, теперь моя очередь сказать вам «браво!», Борис Дмитриевич. Работать с вами – одно удовольствие. Итак, все детали мы обсудили, я как будто готова ко всему. Пора отправляться, мой выход на сцену!

– Танечка, ни пуха вам, ни пера!

– К черту!

– И держите меня в курсе!

– Разумеется, я позвоню вам сегодня, сразу же, как только что-то прояснится с моим приемом на работу.

Я распрощалась с Завадским и отправилась на Холодный ключ, на улицу Луговую, дом семнадцать. Добираться туда я на всякий случай решила без машины – вдруг кто-нибудь запомнил мою бежевую «девятку», или дедуля-сторож еще не покинул свое гнездышко. Осторожность не помешает. Да и героиня моя за рулем – в этом есть какой-то диссонанс. Трамвай значительно больше ей подходит.

С замиранием сердца я подошла к знакомым уже воротам. Но я не пыталась справиться с робостью. В данном случае она вполне соответствует моему плану и намеченному стилю поведения. Я нажала на кнопку звонка и стала ждать.

Бывшая дедулина избушка-сторожка была переоборудована в помещение для охраны, оснащенное по последнему слову техники. Вероятно, и в доме уже установлены и сигнализация, и охранная система. Самих же охранников пока не видно. Поэтому мне следует сразу подготовиться к встрече с хозяином. Так оно и произошло. Через пару минут парадная дверь особняка открылась, и из нее вышел симпатичный стройный мужчина лет сорока. Одет он был по-домашнему – в свободный джемпер и спортивные брюки. Он приветливо улыбнулся, помахал мне рукой и направился легкой, пружинящей походкой по дорожке к воротам.

«Держись, Танюха, похоже, это он – твой магнат». И при этой мысли мое тело вдруг совершенно машинально приняло эффектную позу этакой городской пантеры, почуявшей добычу: плечи распрямились, нога отошла чуть в сторону с посадкой на бедро, подбородок дерзко вздернулся, одна рука грациозно уперлась в бок... Черт бы тебя подрал, безмозглая кошка! Что ж ты вытворяешь! Я тут же спохватилась и моментально исправилась – руки безвольно повисли вдоль тела, ноги свернулись чуть-чуть носками внутрь, а голова приняла положение, как в песне: «Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня...» Вот теперь полный порядок. Не смей терять контроль над собой!

Тем временем импозантный мужчина подошел к воротам и посмотрел на меня приветливо, но вопросительно. Я решила начать разговор сама. (По утверждению Светули, моему облику явно не хватало какого-нибудь легкого дефекта дикции, но по зрелом размышлении я решила, что это будет явный перебор.)

– Добрый день, вы, пожалуйста, извините за беспокойство, возможно, я не совсем вовремя, но у меня к вам очень важное дело.

– Чем могу служить? – все так же приветливо улыбаясь, но не торопясь открывать ворота, поинтересовался мужчина.

– Извините, может, я ошибаюсь. – Я неловко-кокетливо подхихикнула.

– Так в чем же дело? – терпеливо спросил мой визави.

– Одним словом, это вы новый владелец дома? – спросила я тоном человека, решившего броситься в омут головой.

– Да, Алексеев Максим Леонидович, к вашим услугам. – Господин Алексеев придал своему лицу оттенок легкого недоумения, не переходящего, однако, границ вежливости. Я же, напротив, невероятно оживилась, проделала руками несколько раскоординированных движений, выражающих высшую степень восторга, и доверительным громким шепотом, чуть краснея, сообщила:

– А я садовник...ца. Садовница, специалист по ландшафтному дизайну, цветоводству, садоводству и созданию искусственных водоемов. Вот мои рекомендации.

Я начала отчаянно рыться в ридикюле, постоянно роняя и вновь запихивая в него бумаги и поправляя очки. Алексеев же наконец понял, что большой опасности я не представляю – я не свидетель Иеговы, не коммивояжер и не агитатор за местного депутата, поэтому меня можно, пожалуй, и впустить. Он отпер ворота и вежливо пропустил меня внутрь, в то время как я не переставала лихорадочно возиться с неподдающейся сумочкой. Однако выражение некоторого удивления так и не сходило с его красивого лица.

– Я действительно новый владелец дома, и в мои планы действительно входит нанять на службу садовника – вы ведь видите, здесь прекрасный сад. Но я еще не успел обратиться в агентство и объявлений в газету не давал. Как вы узнали?

– Я вам все-все сейчас объясню. – Я наконец прекратила терзать ридикюль и огляделась. Потом сделала глубокий вдох счастливого человека, попавшего в долгожданное Эльдorado. – Дело в том, что я очень хорошо знаю все садово-парковые зоны Тарасова. А здесь, на Холодном ключе, – самый экологически благоприятный район. Тут такие почвы – легкие и плодородные, и уровень залегания грунтовых вод как раз самый оптимальный. Вы только посмотрите, как здесь растут луковичные! Боже, как вам повезло, у вас потрясающая коллекция тюльпанов, это новинки голландских селекционеров. А вы, между прочим, знаете, что в старину в Голландии за одну луковицу модного сорта тюльпана можно было купить целую улицу?

(В этом месте я позволила своему голосу стать чуть звонче, а речи – чуть эмоциональнее.)

Алексеев стал прислушиваться к моим словам внимательнее и предложил пройти в дом. Я же продолжала на ходу разливаясь соловьем:

– Если бы вы только знали, как часто я прогуливалась по улицам и разглядывала здешние ландшафты. Сердце обливается кровью при виде садов, изуродованных дилетантами, не обладающими ни умением, ни вкусом. Сад ведь надо видеть сердцем! Он – как музыка, как поэзия, он рождается в душе сразу, целиком, его нельзя создавать по частям. Сад должен соответствовать душевному настрою своего хозяина. Скажите мне, чем вы занимаетесь, и я скажу, каким должен быть ваш сад!

Алексеев уже заинтересовался не на шутку.

– Послушайте, милая барышня, наш с вами разговор обещает быть интересным. Может, зайдем в дом, выпьем чего-нибудь и продолжим беседу?

– Нет-нет, лучше погулять по саду, проводите меня.

– Да я и сам толком его еще не знаю. Давайте бродить, как первооткрыватели.

Мы прошли за дом, в основную часть сада, скрытую от глаз прохожих зданием.

– Вернемся к вашему вопросу, – сказал Алексеев. – Допустим, основное мое занятие – коллекционирование предметов искусства. Каким же тогда должен быть мой сад?

– Ну уж, во всяком случае, не таким, каков он сейчас! – Я позволила своему голосу зазвучать гневно. – Этот сад слишком банален, он для простых обывателей. Прямые заасфальтированные дорожки, геометрически остриженные кустарники, клумбы правильной формы – это не для вас. Сейчас в саду не хватает загадки, не хватает естественности. Хотя есть в нем и подлинные жемчужины. Посмотрите на эту великолепную коллекцию хост. – Я махнула рукой направо так энергично, что чуть не стукнула по носу моего собеседника. – Такие коллекции

собираются и выращиваются годами. А вон там – довольно милый сирингарий, только очень уж запущенный.

– Что-что, простите?

– Это маленькая рощица сиреней, в ней есть несколько очень ценных сортов. Но за ними плохо ухаживали, не проводили вовремя обрезку, поэтому теперь этот дивный уголок выглядит немного неопрятно. Но, похоже, окончательно загубить растения еще не успели, все можно восстановить.

Алексеев уже смотрел на меня во все глаза и слушал, чуть ли не раскрыв рот от удивления. Я же расходилась все больше и больше. Начав толковать, что построение сада не соответствует принципам фэн-шуй, я (как было задумано Светулей) на несколько минут сняла очки и стала размахивать ими, сверкая глазами и позволив пару раз пересечься моему пылающему взгляду со взглядом Алексева. Потом, словно внезапно осекшись, я надела очки, стихла и ступевалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.